

священник Сергей Аюдыч

Цветоворот
стихи

Кемерово 2016

«Мы с вечностью свой век объединим»

Я думаю, в каждом человеке есть поэтическое начало. Потому как душа человеческая с рождения наделена Божественным присутствием и должна наполняться вечными добродетелями.

Тонкое чувство Любви к детям, женщине, Родине надо крепить Словом добрым, словом, ласкающим слух, словом, от которого жить хочется... «И зачем мне слеза, если в жизни моей не осталось мечты?»

У Сергея Адодина есть это чувство, есть тот внутренний мир, из которого и рождаются строчки стихов. В процессе работы над рукописью я был

А31 Адодин, Сергей (священник). Цветоворот : [стихи] / Сергей Сергеевич Адодин; худож. Н. А. Чернова. – Кемерово: Примула, 2016. – 80 с.

В сборнике стихов протоиерея Сергея Адодина жизнь во всех её цветах и красках проносится перед взором, уместаясь в один-единственный год – от зимы к зиме. Но первое и последнее стихотворения не подчиняются круговороту сезонов. Они знаменуют собой начало духовной жизни и финальное предстояние на Божьем суде. Евангельское «Кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него» можно считать эпиграфом к этой книге. И действительно, в стихах автора – больничного священника – явно прослеживаются те непосредственность, жизнерадостность и доверие Отцу Небесному, которые свойственны детям.

ББК 84-5

ISBN 978-5-904430-45-0.

удивлён его восприимчивостью, пониманием сути поэзии. Многие стихи были доработаны так неожиданно точно. Смысл и чувства объединились, и открылся для читателя мир поэзии Сергея Адодина.

Поэзия – это движение мысли, это поиски своего неповторимого образа, это разноцветье нашего мира.

*«Тут запах детства, сладкий и хмельной,
И юности безудержные трели,
Чьи отзвуки к закату догорели
И теплятся, как августовский зной.
Здесь мой роддом, и кладбище моё,
И снега хруст, и хруст ржаного хлеба.
Мне слишком дороги – кусок родного неба
И русское смешное вороньё».*

Душа С. Адодина трудится, осознаёт своё назначение, свою неповторимость. Из этого осознания, надеюсь, будут рождаться новые тёплые стихи...

*Поэт, член Союза писателей России
Б. Бурмистров*

* * *

Я помню день, когда в купели
Рождён был Духом и водой.
Я слышал, как овсянки пели,
Кружа под облачной грядой.

Два золотистых махаона
Играли зыбкой синевой,
За клумбой рдели анемона
И сладкий клевер луговой.

Пион бутоном белоснежным
Качал, встревоженный осой.
Ковёр зелёный с ворсом нежным
Блистал лучистою росой.

Смеясь, шагало солнце рядом,
И время шло наоборот.
Перед счастливым детским взглядом
Происходил цветоторот.

* * *

Едва в Кремле куранты унялись,
Как новый год предстал пред нашим взором
Окном, покрытым сказочным узором,
Где сон и явь с надеждою сплелись.

И вот окно распахнуто! За ним –
Бескрайние просторы вдохновенья.
Отринув боязливость и сомненья,
Мы с вечностью свой век объединим.

Пусть взгляд назад яснее озарит
Ошибки, совершённые бездумно.
И, следуя псалму благоразумно,
Наш дух к Творцу Вселенной воспарит.

* * *

Куда же ты, Кронштадт, смотрел,
Когда походкою небрежной
В твой храм вошел студент мятежный
И на амвон взойти посмел?

О чем же думал ты, Кронштадт,
Когда пред паствой изумлённой
Сигарку свечкой затеплённой
Зажёг неспешно супостат?

И как же ты, Кронштадт, простил,
Что был побит твой пастырь верный,
Что тот студент высокомерный
Христову Кровь на пол пролил?

Потом, Кронштадт, ты лицезрел
Стрельбу, атаку штыковую.
Кровь затопила мостовую,
Сигарки той пожар горел...
Куда же ты, Кронштадт, смотрел?

* * *

Умолкли на время хмельные метели.
Чуть слышно сосульки на крышах хрустели,
В заросшие стёкла снежинки летели
И шёпотом тайным о снах шелестели.

Хрустальные ветки рубинами рдели.
Качались на них без забот свиристели:
Плясали, играли и ягоды ели,
Чубами вихрились, восторгом кипели.

Симфонию жизни свистели свирели,
Ласкали мой слух их журчащие трели.
Пичуги мне пели и в окна глядели,
Как будто поведать о чём-то хотели.

Их песни души моей струнки задели
И сердцем моим навсегда овладели.
К обеду узоры ветвей опустели,
И мы с той рябиною осиротели...

* * *

Что может в ночь святую сниться?
Она прекрасна и чиста,
Как благородная девица.
Душа, как птица, ввысь стремится
Во дни Филиппова поста.

Дыханье ночи скоротечно
В искристой снежной тишине.
Лишь, сумрак разбавляя вечный,
Луны печальной луч беспечный
Скользит небрежно, в полусне.

Мерцая, падают снежинки –
Они воздушны и легки,
Как тополиные пушинки.
Набросив белые косынки,
Стоят берёзы вдоль реки.

Что может в ночь святую сниться,
Когда природа так проста,
И дольше века полночь длится,
И хочется порой молиться
О продолжении поста?

* * *

Кусочки лунные в хвое
Росой янтарной притворились.
И капли неба растворились
В вечернем полузабытье.
Христос рождается предвечно.
Звезда горит восьмиконечно –
Путеводительствует мне.

* * *

Взметнулись бы салютом белым
Жасмина зябкие кусты,
И ягод урожаем спелым
Полей украсились холсты!

...Мечтаю утром индевелым
О каждой капле теплоты...

* * *

Подснежник – вечный Симеон –
От ветхой стужи в небо рвался.
Заочно в Солнце был влюблён –
На Сретенье весны дождался.

И непостыдно смог приять
В свои объятия луч спасенья,
Чтоб семь десятков дней сиять
До дня Христова Воскресенья.

* * *

Как худший в мире спекулянт,
Я от купца к купцу метался,
Пока всего один талант
В моём кармане не остался.

Растратив все свои года,
К Заимодавцу был доставлен.
Стоял, сгорая от стыда,
Банкротством собственным подавлен.

И вот с позором изгнан вон
Поглубже в землю долг зарывший.
А я внезапно был прощён —
Всей жизнью злоупотребивший.

«За что меня Ты оправдал? —
Воскликнул я, не веря счастью. —
Дары Твои я растерял,
Не возвратив и пятой части!»

И отвечал Господь на то:
«Тебе я тайну приоткрою.
Ты был помилован за то,
Что твой талант не пах землёю.»

* * *

«Христос Воскрес!» –
Поёт душа.
Звонят колокола:

«Христос Воскрес!»
И, чуть дыша,
Трепещут купола

Огнём небес.
Огнём весны
Опять горят сердца.

Христос Воскрес!
А с Ним и мы
Пребудем до конца!

* * *

Капли света алмазной росой
Притаились за рамой оконной
Преждевременно жаркой весной
На взорвавшейся юной листвой
Ветке яблони ошеломлённой...

* * *

Детство дарило мне с каждым рассветом
Яблоко спелое, быстрюю речку,
Лужи запретные, спички и свечку,
Нож перочинный, «двушку» на нитке,
Пульки с рогаткой, свинцовые битки,
Солнце, качели, жестянку с жуками,
Погреб с секретами и тайниками...
Щедрилось детство безудержным цветом,
Вечностью, верностью, смехом и светом.
Детству взамен подарил я в рассрочку
Двух сыновей и красавицу-дочку.

* * *

Каждый лист прозы Брэдбери нежен
И пленителен, как акварель:
Мокрый лист до поры белоснежен,
Пока краски мешает апрель.

Хмельными потёками патоки
Одуванчиков и анемон
Омыто подножие радуги,
Где сокровища скрыл лепрекон.

Что ни строчка – гербарий из лета
И вина марсианских морей.
Тут летящая к солнцу ракета
И простор золотистых полей.

А вечерами дождливыми
На дивных листах акварели
Арфа взрывается сливами
И запахом сарсапарели.

* * *

Чёрным огнём
Погасило свет мой, и земля закружилась.
Во взоре моём
Майский день застыл, и время остановилось.
Передохнём.
Видишь, впереди воронка освободилась?
Мы были вдвоём
В час, когда над нами небо воспламенилось.
Ночью и днём
На останках города сражение длилось.
И мы не умрём.
Только по бушлату кровь струилась, струилась.

* * *

Утром на фронт в беспощадную битву.
Мечутся тени от стрелок часов.
Губы солдата чуть шепчут молитву
За некрещёных пока близнецов.
Сколько их — так и не сказанных слов!

* * *

Есть на свете места, где не ценят вино,
То, что пламенем плещется стылым.
И в рубинах закат опостылел давно,
Цвета крови пылает светило.

Вместо звонких дубов рубят старые пни,
Избегая раскатистых звуков.
В мёртвых окнах домов не зажгутся огни.
Дней военных смертельная мука.

* * *

Рука, познавшая винтовку,
Упрямей держится за плуг,
И предпочтёт штыку литовку,
А полю брани – тихий луг.

* * *

На непаханом поле замшелом
В землю намертво врыт целый полк.
Бесконечны под зорким прицелом
Три минуты, прожитые в долг.

К Победе

С тёплым западным ветром, исполненным роз,
Из-за старых холмов, из-за белых берёз
К нам на помощь пробился всеильный июль
Сквозь раскаты войны, сквозь жужжание пуль.
Что ни миг – то аванс, что ни залп – то итог:
Мы идём до конца, мы идём на восток.

* * *

Осенние невзгоды,
Пожухлые листья,
Чуть тлеют дымоходы,
Чуть теплятся мечты.

Затворов стихли звуки,
Пред залпом давит грудь,
Мгновенья до разлуки,
И боязно чуть-чуть.

Затишье перед боем

Тянется запах военных костров –
Искрами дышат в надежде на вечность.
Месяц глядит сквозь пологи шатров
На человеческих дел скоротечность.

* * *

На закате
Виноград превратится в вино очень кстати.
Мы поднимем гранёный стакан об утрате,
Что постигла нас в каждом убитом солдате.

Просвистело.
Значит, с пулей и смерть мимо нас пролетела.
Я поймал бы её, да рука ослабела,
И вонзилась та пуля в невинное тело.

Не хватило.
Широты наших спин на весь мир не хватило,
Чтоб для каждого солнце подолгу светило
И у детского гроба не пело кадило.

На рассвете
Нас покажут в ругательном телесюжете,
А к обеду присудят расстрел в комитете,
И в расходы запишут в военном бюджете...

* * *

Тёмная кровь вперемешку с цветами.
Тянется, тянется день
Болью, траншеями, дымом, бинтами –
Жизни протяжная тень.

* * *

Мы потеряли одного
В бою жестоком на чужбине.
Пилот про Бога своего
Сквозь зубы пел, горя в кабине.

За ним, порхая и крутясь,
Стальных ракет летела стая.
Он уводил их, торопясь,
В полнеба золотом блистая.

А где-то детская душа
Ждала, не веря некрологу,
Смотрела в небо, не дыша,
И за отца молилась Богу.

* * *

Живёт поэт –
Служитель слова.
В нём отражается весь свет.

Умрёт поэт,
Восстанет снова,
Чтоб пред Творцом держать ответ.

* * *

Художнику много дано –
Ему повинуются тени.
Синицы, жуки и сирени
Становятся с ним заодно.

Художнику можно не знать
Статичных законов природы,
По небу пускать пароходы
И время раскручивать вспять.

Художнику очень легко
Собрать воедино все воды,
Закаты смешать и восходы
И спрятать в душе глубоко.

Художник обязан летать.
Все звёзды рекою прольются,
Лишь стоит их кистью коснуться...
Но мало уметь рисовать,
Чтоб даром таким обладать.

* * *

Я изменяю всё, что есть вокруг:
Дремучий лес — в сыпучие барханы,
В запруды обращаю океаны
И в птичку певчую тебя, мой друг.

Преображаю всё, чего коснусь,
Подобно мигдонийскому тирану.
Повсюду позолота, где достану,
Опустошаю всё, за что возьмусь.

И если я себя не изменю,
Любимая, покинь меня скорее,
Пока со мной не стало тяжелее,
Пока не предал я тебя огню.

* * *

Я искал тебя, песня моя,
В полустёртых нейлоновых струнах,
На остывших серебряных дюнах,
Утопающих в блеске луны.

Я искал тебя, песня моя,
В изголовье заснеженной кручи,
В усыпляющей мягкости тучи
И чарующем плеске волны.

Я искал тебя, песня моя,
Там, где лестница к звёздам взлетала
И с землёй небеса сочетала
В ночь последнюю поздней весны.

Я нашёл тебя, песня моя,
Когда сполох полночной зарницы
Осветил дорогие ресницы
И открыл мне, о чём её сны.

* * *

Одних ведут дороги в город,
Других – в родные хутора,
А я, подняв повыше ворот,
На берегу стою с утра.

Дороги не дают свободы,
Кратчайший предлагая путь,
А зыбкие морские воды
Не могут сердце обмануть.

Моя стезя без едкой пыли
Из-под тугого колеса.
Мои маршруты там, где взмыли
Осенним клином паруса.

Зовут меня морские хмури
На юг, на запад, на восток
Купаться в облачной лазури,
Испить безбрежности глоток.

Одних влекут дороги к дому,
Меня – в пленительный простор
Всё кличет грустная истома
Перстам судьбы наперекор.

* * *

Вы знаете, а ведь простой тротуар
Скрывает в себе поразительно много:
В нём тихо сидят расписной ягуар
И два удивительных единорога,

Но лишь до тех пор, пока жестом умелым
Не призовет их ребёнок соседский.
На каждое прикосновение мелом
Асфальт отзывается сказкою детской.

Для взрослых доступна иная забава:
Чуть стоит дождю с небосвода пролиться,
Глядишь – под ногами кружится дубрава
И лёгким крылом режет облако птица.

* * *

Луна на глазунью похожа, да-да!
Не веришь? Гляди, не мигая:
Она как по маслу на глади пруда
Разлилась от края до края.

А звёзды небесные (как же без них?)
Сверкают крупинками соли.
Вот соус – закатно-шафрановый штрих
И утки – как зёрна фасоли.

* * *

За прозрачным окном городским
Не видны мне ни горы, ни реки:
Все пейзажи путём воровским
Заслонил трансформатор навеки.

Чтоб исправить такую беду,
Навсегда победив диверсанта,
Я по жёлтой дороге пройду
И надену очки Фараманта¹.

И не в силах закрыть до сих пор
Некрасивый кирпичный виновник
Изумрудно-сибирский ковёр,
Изумрудно-волшебный шиповник.

* * *

Я творил в молчании духа:
Уши рады, а сердце глухо.
Мне б молиться в затишье плоти,
Только сердце опять в дремоте.

¹ Страж Ворот в Изумрудном городе.

* * *

Прозрел. Слепых поводырей
Как ветром сдуло.
Казалось, сотня фонарей
В ночи блеснула,

И я увидел в вышине
Зарницы всплески,
И через копоть на стене
Явились фрески.

Среди бездушных автострад
Я вижу розы –
Им не хватает серенад,
Стихов и прозы.

Я наблюдаю полотно
Сквозь толщу краски.
И как поспешно, как смешно
Слетают маски!

Всё то, что в мраке суеты
От взоров скрыто,
В заре духовной нищеты
Теперь открыто.

* * *

Если тучи пусты,
Только небо черней,
Для чего же гроза?

Если вянут цветы,
Не дождавшись дождей,
То на что мне глаза?

И зачем мне слеза,
Если в жизни моей
Не осталось мечты?

До хрипоты
Зову и зову:
«Где же Ты?
Где же
Ты?»»

* * *

Тогда полюбишь ты Христа,
Когда мечтами посрамлённый,
Друзей лишишься, изумлённый,
А мир сожмётся до креста.

* * *

Вот и полночь. Две стрелки срослись –
Расставаться никак не хотят.
Там, за речкой, костры занялись,
Небосвода бока золотят.

Ветерок, что весь день напролёт
То швырялся скрипучим песком,
То в оконный стучал переплёт
Лапой ели лохматой тайком,

Утомился и лег почивать
Где-то там, в глубине чердака,
И сквозь сон что-то стал напевать –
Колыбельную наверняка.

Зашуршали под пальцем листы,
И захлопнулась Книга всех книг.
Не хватило душе чистоты,
Чтобы ум Псалмопевца постиг.

Не хватило рукам добрых дел,
Чтобы сердца вспахать целину.
Охладел? Так ведь я не горел.
Мне бы веру в душе Фомину...

Мне бы уголь серафимов в уста,
Моисееву в грудь купину
И пылать, умоляя Христа:
«Не вмени мне с Иудой вину!»

* * *

Если руки твои крепко держат топор,
Ты ещё не столяр и не плотник.
Если сбит твой кулак, ты ещё не боксёр,
А с ружьём ты ещё не охотник.

Если мыслишь ты, учишься, ешь или пьёшь
(Я скажу всё, как есть, без обмана),
Даже если ты в общество высшее вхож,
Человеком считать себя рано.

* * *

С изломанной ветки сирени
Осыпались все лепестки.
Холодные вьются ступени,
Горячие льются пески,

И с ними – всё время – до капли,
До капельки слит целый век...
Подобно прожорливой цапле
Над жизнью застыл человек.

Странствие вечное

От земли до земли – целый век.
Целый миг у тебя, человек.
Вечный ворох из грёз,
И огня, и стрекоз,
И берёз, и берёз, и берёз.

От небес до небес – высота.
Простота от яслей до креста.
А на стук – тишина,
А в сердцах целина.
Пелена, пелена, пелена.

От земли до небес – день пути.
Нужно только дорогу найти.
Но не близок закат –
Всё столетья летят.
Не спешат, не спешат, не спешат.

* * *

Моя душа — как зеркало кривое:
Бесцветное в ней обретает цвет,
Знакомые мерещатся друзьями,
Таинственным способен быть рассвет,
Трепещет сердце, всё ещё живое,
А слёзы могут течь ручьями...

Душа охотника

В дрожащем мареве авроры
Над поднебесною скалой
Взрываю древние просторы
Звенящей бронзовой стрелой.

Я над горбатыми хребтами,
И над косматою тайгой,
Над огневидными цветами
Несусь залётной пустельгой.

В крылах трепещет оперенье,
В глазах вскипает синева,
А над озёрами куренье
Скрывает рощицу едва.

Кружил над ней в предсмертных грёзах,
Пока закат мой догорал...
А там внизу, в густых берёзах,
Седой охотник умирал.

* * *

Сквозь зыбкую дымку оконных проёмов,
Весь в бликах пронзённых зарёй водоёмов,
Греческий город, расслабленный зноем,
Читает меня, словно книгу, запоем...

* * *

Собрал Господь на брачный ужин
С дорог, оврагов и халуг
Всех тех, кто был не так уж нужен,
Кто не имел, как я, заслуг.

И чернь смеялась, славя Бога,
Шумя за праздничным столом
Большого царского чертога,
А я всё ждал бокал с вином.

Был пир чужой под чуждым небом,
Жених был вовсе незнаком,
И я скучал, придя за хлебом
Да рыбы жареной куском.

Паганини

С зарёй скалистого залива
В сонате старого холста
Смешались ветра переливы
И лигурийского альта.

И в этой итальянской муке,
Вечерне-маревной тоске,
Тонули бережные звуки,
Как капли в розовом песке.

* * *

Ветер восточный, ты неутомим.
Мчишься на запад, силён и незрим.
Что же несёшь ты за те рубежи —
В край, где оазисы и миражи?

Облако, полное сладких дождей
Лучше оставь для ростовских полей.
Запах сибирской бескрайней тайги
Для мегаполисов побереги.

Где-то на псковщине сделай вираж
И возвращайся, когда всё раздашь,
Яхтам речным наполнять паруса.
Ждёт тебя Чуня и ждёт Бирюса.

Стань баргузином байкальских хребтов,
Зимней борою охотских портов.
Влажным муссоном Камчатку овей,
Да не забудь, смотри, сампо¹ моей!

¹ Сампо – чудесная мельница, отметатель невзгод.

* * *

Боксёрский ринг. Азартным хором
Гудят прожекторы, крутятся.
Сплелась причудливым узором
Ударов рвущаяся вязь.

Молчит неистовая сила –
На ней стальные удила,
Чтоб ярость кровь не отравила
И в нужный час не подвела.

В момент взведённая пружина
Взрывает нервов волокно,
А мышц исправная машина
Творит эффектное кино.

Соперник резко нападает!
Уход назад и левый хук...
Сама судьба над ним считает,
Плывёт победный гонга звук.

Вставай, собрат! Ты славно дрался,
Благодарю тебя за бой!
Отнюдь не просто мне достался
Чеканный пояс золотой...

* * *

Можно ли выткать в скале целый город
Так, чтобы ласточек гнёзд не разрушить,
Рёвом машин тишины не нарушить,
В окна без стёкол ловя каждый шорох,

Ждать соловья, карауля восходы,
Хвастаться клумбами, думать стихами,
Голые стены увешивать мхами,
На этажах разбивать огороды?

Можно ли?
Это, скажите, возможно?
Или идея моя безнадежна?

* * *

Сочини мне пейзаж: в небо – каплю огня,
В двери – запах листвы, смену ночи и дня.
Я услышу, как дышит, секреты храня,
Золотой океан у родного плетня.
Нарисуй и себя на волнах ячменя,
И затем в этом мире придумай меня.

* * *

Моя звёздочка синеокая,
Среди россыпи солнц одинокая,
Ни достать тебя с неба, высокая,
Ни испить, словно море глубокая,
Ты свети мне, такая далёкая
Моя звёздочка синеокая.

* * *

Под древком изломанным флага свободы
Где-то усталый народ
Льёт свою кровь за пшеничные всходы,
За вожденный восход.

Вот племя в духовную брань ополчилось,
Богу решив угодить.
Сквозь годы из рабства домой возвратилось –
Веру отцов сохранить.

И в наших есть жилах такое упрямство.
Только с недавних времён
Биться готовы за право на хамство
И за испанский хамон.

* * *

Уехать ли? Уехать ли туда,
Где сплошь кариатиды и фронтоны,
Готические окна и пилоны,
В каналах узких плещется вода,

Где мост, согнувшись мраморной дугой,
Внимает постановкам Керубини,
А тучи в драпировках от Беллини
Одну сменяют маску за другой?

Но вы не отпускаете меня,
Жестокие сибирские просторы.
Волной зелёной плещут косогоры
Над заводью пшеничного огня,

И, ватные минуя облака,
Христовы ризы щупают украдкой,
И мой пленяют ум железной хваткой.
Разлука с ними будет нелегка.

Тут запах детства, сладкий и хмельной,
И юности безудержные трели,
Чьи отзвуки к закату догорели
И теплятся, как августовский зной.

Здесь мой роддом, и кладбище моё,
И снега хруст, и хруст ржаного хлеба...
Мне слишком дороги кусок родного неба
И русское смешное вороньё.

* * *

Вдоль бурунов холмистой дали
Без якорей и парусов
Мой крейсер грузом шумной стали
В пучине мачтовых лесов
По транссибирской магистрали –
По двум евклидовым прямым,
По кривизне горизонтали
Несёт меня совсем хмельным
Через алтайские ложбины,
Сквозь котловину Минусы
За енисейские стремнины
И до притоков Бирюсы.
Тот хмель, пьянящий мой рассудок,
Шёл от лиловых кандыков,
Пасхальных синих незабудок
И медоносных ноготков.
Семь тысяч вёрст – моя дорога,
Семь тысяч звёзд горят в окне,
Семь тысяч слов – совсем немного
О ненаглядной стороне.

* * *

– Повержен лев! Повержен царь зверей! –
Смеялись победившие шакалы,
Наследника, жену и дочерей
Вслед за царём столкнув с горы на скалы.

– Теперь-то мы уж точно заживём!
Не будет львов у нас отныне и навеки!
Ты можешь быть хоть жабой, хоть червём,
Но будешь осушать моря и реки!

Так и живут без царства в головах:
Богатых нет, повсюду бедность духа,
Правленье жаб осталось на словах,
Зато в лесу настала голодуха,
А вся вина, конечно же, на львах...

* * *

Придорожный поток фонарей –
Вереница ночных мотыльков,
Привлечённых гипнозом огней
Торопящихся грузовиков...

* * *

Он руку вытянул, взирая с высоты.
В ладони целый город уместился,
А из него фонарный свет пролился,
Шуршанье шин и детские мечты.

Он дунул на ладонь, сметая с неё пыль,
И вместе с прахом отлетели слёзы,
Антенны колыхнулись как ковыль,
Утихла буря, воцарился штиль.

Ладонью чуть качнув, отправил всё в полёт.
Полёт цветов, фонтанов и фантазий.
Минутам и часам потерял счёт –
Поэт творил весь вечер напролёт.

* * *

Бесценны ночные минуты.
Дыхание окон
И локон любимой,
Квадратные метры
И ветра маршруты,
Бутоны мимозы ранимой.
Незримый
Её аромат опьяняет
И сердце мятущееся умиряет.

* * *

«Люди, как не верить снам?»

(Льюис Кэрролл)

Глаза открою прежде, чем проснусь,
Увижу зазеркальные предметы,
Часам в ответ каминным улыбнусь,
Подслушаю, как шепчутся портреты.

Вот шахматный король сидит в золе,
Задумчив в своей в царственной заботе,
И ждёт моя поэма на столе
О диком и ужасном Бармаглоте.

Бумажный лист

Уверен – полон ты секретов
Таких, что и не снились мне.
И вот, сижу и жду ответов
Весь день с тобой наедине.

Хранишь безмолвие упорно,
Но тайны тотчас мне отдашь
И всё расскажешь мне покорно,
Едва возьмусь за карандаш.

* * *

Из бездонных сетей,
Из широких щелей –
Мириады чертей
Самых разных мастей.

После жирных ломтей,
После полных горстей,
Со страниц повестей –
Прямо в пыльный музей.

От казённых харчей,
От елейных речей –
Вплоть до рваных ногтей
И кровавых плетей.

Из лакейских ливрей,
После главных ролей,
От безумных идей –
До огней, до углей.

* * *

В вазе каждый цветок
Райской птице подобен,
Той, что бросили в клетку
Свой танец предсмертный исполнить...

* * *

Человек из кремня создал топор,
Чтоб срубить орех,
Чтоб разжечь костёр.

Из ореха он источил зурну,
Чтоб не спать всю ночь,
Чтоб воспеть луну.

Человек перо одолжил у птах,
Чтоб стихи сложить,
Чтоб парить в мечтах.

А сложив стихи, навалил камней,
Чтоб достать до звёзд,
Чтобы стать важней.

Человек те звёзды всю ночь считал,
Чтоб порядок был,
Чтоб уют настал.

И познал он жизнь и предметов суть,
Лишь не смог он
Смерть
Свою
Обмануть...

* * *

Земная изменчива слава,
Бродячей собаке под стать:
То злобна, то робкого нрава,
То руку спешит облизать.

* * *

За изгородью гор,
Под кровлей из тумана
Рос дивный хлебный дуб
В саду у великана.

Сосед его был вор.
Без лишних рассуждений
На дуб точил свой зуб
С голодных побуждений.

Он в сад принёс топор,
Срубил под корень древо
И вынес хлеб в мешках,
Насытив своё чрево.

А великан с тех пор,
Обиженный соседом,
Тоскуя о хлебах,
Стал гадким людоедом.

* * *

Иногда нелегко расстанусь с темнотою,
Хоть всегда улыбаюсь восходу.
Пусть привыкли пленяться глаза красотой,
Но мой ум предпочёл бы свободу.

* * *

Собакой в репейнике с видом измученным
Правда бежала, толпе неприятная.
Была бы в ошейнике, к миске приученной,
А то ведь кусачая и непонятная.

Люди смотрели, люди бранились,
Конфузились, хмурились и сторонились.
А правда прохожих минула устало –
Её в детском доме дитя ожидало.

Айвазовский

На тонком старом полотне –
Корабль в пенной быстрине
И тучи в грозовом огне.

Печальной чайки тает крик,
Солёный шквал людей настиг,
Сошлись в бою вода и бриг.

Фок-мачта вмиг пошла в излом,
И парус яростным орлом
Умчался, хлопая крылом.

Трещит обшивка корабля,
А кормчий, стоя у руля,
Кричит сквозь шторм: «Земля! Земля!»

Но дикий берег среди скал,
Скрывая рифовый оскал,
Живых к себе не подпускал...

* * *

Птицам место в просторах и гнёздах,
А вот в клетках всем птицам печально.
Небосводу пристало быть в звёздах,
На земле быть звездою банально.

Тот прекрасен, кто твёрдо, без страху,
Притяженья не зная земного,
Не колеблясь, восходит на плаху,
Свою жизнь принося за другого.

Ну а тот, кто владыкам угодлив, –
У кормушки всегда будет в стаде,
Только как же безмерно уродлив
Поцелуй в Гефсиманской ограде!

* * *

Держа в ладони семена,
Я медлил долгими годами.
Ходил поодаль сатана,
Грозя с ухмылкой сорняками.

«А может зря в калашный ряд
Ты лезешь со своим суконным?» –
Так думал я, бредя назад,
К рыбацким неводам исконным.

Но вот в долине царь деревьев
Раскинул вековые плечи.
Касаясь кроною небес,
Он с ними вёл немые речи.

«Кто твой умелый агроном?
Архангел? Небожитель? Гений?
Ответь, прошу лишь об одном!»
И дуб промолвил:

«Без сомнений
Меня посеяла свинья,
Сокрыв свой жёлудь в чистом поле...» –
«А как же стаи воронья?
Да разве можно без контроля?
А мыши те же?»

Скрипнул дуб:
«Да верно ты забыл о Боге!
Я чаял, род людской неглуп...» –
Поставив точку в диалоге.

К неудовольствию врага
Я возвратился сеять слово
На Богом зданные луга,
Хоть был я сыном рыболова.

* * *

Куда девалось море из ракушки?
Уже не слышен плеск волны морской.
Доступен лишь глоток огня из кружки,
Наполнивший всю жизнь мою тоской.

Из ключевой воды исчезла сладость,
Из дружбы – честь, из подлости – позор.
Я расплескал из чаши жизни радость.
За каплей капля мой туманит взор.

Безрадостны минуты пробужденья:
Грядущий день готовит мне гамбит,
Где пешка я и жертва заблужденья,
Что истина вину принадлежит.

Венецианский караван

Сквозь солёный бархан
В темноцветных волнах
На косых парусах
Плыл морской караван.

Мимо сёл и столиц
С ценным грузом шелков
Восемьсот моряков
Шли двенадцать седмиц.

А назад понесёт
Вереница галей
Смоляных соболей
И осотовый мёд.

Посреди синевы
Десять флагов парят:
Над водою летят
Златокрылые львы.

Сам святой Никколо
Охраняет наш путь.
Эй, Микель, не забудь
Про компас и весло!

И спешат корабли
Вдоль нагорных чужбин
До бескрайних пятин
Новгородской земли.

* * *

В лабиринтах бетона и пыли,
В зыбких сплавах стекла и стали,
В сочетании сказок и были
Жили песни в моём квартале.

Они прятались в птицах и кошках,
Выводили мотивы лаем,
Намечали штрихи трамваем,
Отбивали размер в босоножках.

Шли столетья, и дни настали,
Когда в поросли камня и пыли
Город умер, а песни жили
В жутком крошеве пепла и стали.

* * *

Следуя незримому велению,
Шелестя как велень старых книг,
Ластится к прибрежному селению
Златогривый бережный тростник.

Здесь под вечер шёлковым свечением
Теплится порфира диких слив,
И с речным насупистым течением
Спорит неуступчивый прилив.

В заводь колесо спустила мельница,
Отметая бед водоворот,
И прилежно, словно рукодельница,
Мелет все невзгоды круглый год.

Что за лукоморье! Чудо чудное:
Всё вокруг взлетает к небесам.
Вдруг я осознал: оно безлюдное!
Значит, я его придумал сам...

* * *

Стояли бок о бок солдаты,
Готовые кровь проливать,
Полей недожатых квадраты
Захватывать и защищать.

Король водит пальцем по карте,
Храпят под уздой скакуны,
И громко в горячем азарте
Трубят боевые слоны.

Где жёсткое ветра дыханье
Меняет наружность морей,
Неясно видны очертанья
Дощатых обшивок ладей.

Печально последняя нота
Пропета сигнальной трубой.
В сияющих латах пехота
Решительно двинулась в бой...

В сражении этом былинном
Никто ни за что не убит.
Мы в парке на лавочке с сыном
Играли славянский гамбит.

* * *

Седой алхимик в сумрачной пещере
Годами постигал предметов суть.
Глубинам древности внимая в полной мере,
Надеялся природу обмануть.

Он победил в себе и жажду власти,
И даже страсть наживы одолел,
Но философский камень (вот несчастье!)
Изобрести он так и не успел.

Давно уже людским воображеньем
Владеет мысль науку приручить,
Чтоб в золото свинец одним движеньем,
Не вкладывая денег, обратить.

Но там, где лишь фантасты преуспели,
А сказочные повести не в счёт,
Высокие чиновники сумели
Извлечь из пули золотой доход.

* * *

Горизонт – это просто мираж:
Нет предела просторам Земли.
Утонули дороги в пыли.
Молчалив и прекрасен пейзаж.

Встало Солнце, окрасив поля
Золотистым наливом хмельным.
И меня первым криком шальным
Поприветствовала пустельга.

Я в ответ помахал ей рукой,
С тропки узкой к оврагу свернул,
И в траву, словно в речку, нырнул,
Обустроиваясь на покой.

Так, в цветах, целый день проведу,
Под жужжанье жуков, в сладком сне.
А под вечер, в закатном огне,
Помолившись, я дальше пойду.

Удлиняются тени, бегут
На свиданье с полуночной мглой.
Вот и звёзды. Как будто иглой
Кто-то небо проткнул там и тут.

Здравствуй, Вега, подруга полей!
Синевой озаряя мой путь,

О планетах своих не забудь –
Им с тобою гораздо теплей.

Утомился, затих ветерок,
Тот, что днём с мотыльками играл.
Я б с тобой лет на триста сбежал,
Только короток жизненный срок.

У границы в раздумьях стою.
Кто их только расставить посмел?
Я пройти всю Россию сумел,
Обойду и планету мою.

* * *

Гроза! Бушует, рвётся тучей,
Трещит по швам весь небосвод,
И молния змеёй гремучей,
Шипя, стекла в громоотвод.

В клочки изодран ветер злющий:
Трепещет бритвами листва,
А дождь, ретивый, вездесущий,
Не признаёт с землёй родства.

За каплей капля вновь поспела,
Коснулась моего лица...
Стою на улице несмело,
И упоению нет конца.

* * *

Я не верю в старичка-эстета,
Что на чистеньких укрылся облаках,
И от скуки из стерильного далёка
Нагоняет на людей унылый страх.

Верую в Великого Поэта,
В шесть мгновений сочинившего весь свет
И в пустыне возле горного потока
С человеком заключившего Завет.

Тот мой Бог, Кто возлюбил от века
Своенравный род изменчивый людской
И пред всей Вселенною возвысил,
Смерив жизнь вневременной величиной.

В поисках спасенья человека
Не с Олимпа озирался Он окрест.
Не найдя другой достойной выси,
Бог взошел на деревянный Царский Крест.

* * *

Прозреньем мнимым окрылённый,
Презрительно бросаю взгляд
На гроб прозрачно-побелённый –
Всей жизни призрачный наряд.

* * *

Неслучайно всё это – безудержность дней
И просторы распахнутых окон:
Ближе к осени вроде трава зеленей,
Ближе к смерти теснее свой кокон.

* * *

Гитара, знай, мои ослабли руки,
Не в силах пробежаться по ладам,
Но так сильны своим бессильем звуки
Тех песен, что я пел по городам.

Прости, мой конь, теперь с тобой в ночное
Лишь ветер полетит да диск луны,
И не отнять то чувство неземное,
Когда сердца в одно сопряжены.

Я уйду туда, где спеют нивы,
Где зелены маслины и луга.
Там облака пушисты и ленивы,
Задумчивы крутые берега.

Но там, вдали от всех, я помнить буду
Звенящий стан, рыдающий в тоске,
И бега иноходца не забуду
Без всадника в закате на реке.

* * *

Перекликаясь, плакали цветы,
Скорбя по увядающему лету.
Их песни, посвящённые рассвету,
Смолкали с приближеньем темноты.

Таясь от электрических огней,
Стекали вниз по кровельному скату,
Внимая отдалённому раскату,
Полсотни тысяч городских теней.

И грянул гром, и грянул хор сирен,
И, словно бы измучившись покоем,
Сердитый ветер с приглушённым воем
Качал щетину вздыбленных антенн.

* * *

Золото жидкое в брызгах граната
Ветром душистым играет.
Привкусом перца и нотой муската
В воздухе благоухает.

Шёлковым шелестом вышиты скверы,
Заревом всё полыхает.
Жёлтой листвою фонарные сферы
Медный закат наполняет.

* * *

За окном непогода:
Вода сплошняком
От небесных окраин до огорода.

За окном непогода:
Без устали льёт,
И на сотни шагов ни моста нет, ни брода.

За окном непогода...
И вот мой ответ –
Можжевеловый запах из дымохода.

За окном непогода,
А я у печи
Всё жду своего из Египта исхода.

Музыка сентября

Осенний день прохладу сеет всюду,
Синкопой ливень бередит мой слух,
И босанову к этому этюду
Отстукивает трость на шесть осьмух.

* * *

Краткий миг растянулся на век.
Ни смущений нет, ни тревог.
И внутри замолчал человек,
Чтоб услышать, что скажет Бог.

Не дыша, клирос возгласа ждёт,
Даже шорохи стихли вдруг,
На амвон осень золото льёт,
Слышу Небо и сердца стук.

Позади пять десятков сердец –
В одном теле одна душа.
Заложил шестопсалмие чтец,
Рядом крестится не спеша.

Мне бы молча кадилом качать
Перед Жертвенником Христа,
Но обязан я службу начать
На Воздвижение Креста.

* * *

Играл флейтист.
Как будто кистью он создавал объёмное кино:
Вот чистый лист,
На нём сухие листья...
Темно. Подобно первым титрам
Явился зябкий луч и в сухостой зарылся,
Где волей призрачной палитры
Студёный тотчас ключ родился.

А флейта продолжала действие,
Ломала, как желала, строй.
Вот ягод яркое семейство,
Лисичек аромат густой.
Постой же, музыкант, скажи, откуда
Талант имеешь воплощать мечты?
Он усмехнулся: «Разве не довольно чуда
Всевышним сочинённой красоты?»

* * *

В серебряно-атласной глади
К утру вся улица была.
Как будто кто-то шутки ради
Рассыпал всюду зеркала.

Милее не найти забавы —
Топтать замёрзшую глазурь.
Деревья инеем кудрявы.
В их кронах — сонная лазурь.

А в сердце — детское смятенье,
И строфы Тютчева в душе.
Вот только стихосотворенье
Свелось к заезженным клише...

* * *

Белым-бело.
Укрыты от простуды
Лекарственной порошей города.

Всё замело:
Жилых массивов груды,
Автомобилей глупые стада.

И как стекло —
Озёра и запруды,
Резвится детвора по глади льда.

Из глаз текло:
Сердечные причуды,
А может, просто талая вода.

* * *

Пробудилась зима поутру,
Огорчилась пустыми лесами,
Устыдилась за осень-сестру
И, вздохнув, занялась чудесами.

Притворившись полярной лисой,
Белоснежный свой хвост распушила.
Разыгравшись, хрустальной росой
Все деревья усыпать решила.

Перекинулась в дивную лань,
И, волшебным ударив копытцем,
Филигранную вышила ткань,
И раскинула по черепицам.

А заметив в окошке меня,
Обратилась прекрасной девицей,
На палитру плеснула огня,
Золотою разбавив зарницей.

И затем, грациозной рукой
Растворяя всё ультрамарином,
Отменила пейзаж городской,
Расписав всё стекло мастихином¹.

¹ Инструмент, иногда употребляющийся вместо кисти для создания живописного произведения рельефными мазками.

* * *

Лёгкою, вечною
Тенью беспечною
Лето под флейту
Вело подопечную.

С грацией томною
Поступью скромною
Осень прошла
С золотою валторною.

Следом зима,
Холодна и серьёзна,
В бубен морозный
Ударила грозно.

Ошеломлённый
Пункт населённый
Жаждет весны теперь,
Весь убелённый.

* * *

Худая осинка прижалась к карнизу.
Снежинки летели то сверху, то снизу.
Малец неуклюжий в тулупе мохнatom
Укутывал ветки шарфом полосатым.
Мы в сахарном вихре полжизни кружились.
Полвека осталось, и мы торопились.
Малыш очень дорог был Господу Богу,
И мы устремились к нему на подмогу.
Укрыта надёжно, не зябнет осинка,
И мне повезло, что я тоже снежинка.

Нарния

Безмолвна ночь. Сугробы гасят звуки.
Неспешен снег. Укутал дивный лес.
Задумчив фавн. Устало греет руки.
Распахнут шкаф. Зовёт в страну чудес.

Вдали бобры. Баранок тащат связки.
Горит фонарь. Счастливый эмигрант.
Дрожит рука. В палитре сохнут краски.
Боюсь дышать. Ведь я лишь экскурсант.

* * *

Нет, не владеют мной ни жгучая саванна,
Ни прерии индейских диких гор,
Ни шелест беспокойного бархана,
Ни водопада радужный узор,

Ни аромат малайского сандала,
Ни своды итальянских галерей,
Ни пестрота китайского квартала,
Ни буйство карнавальных фонарей –

Ничто не в силах покорить мой разум,
Лишь сладкий луг околицы родной
Однажды в мою грудь ворвался разом
И там засел зазнобою хмельной.

* * *

Сквозь сугробы и лёд,
Через буковый лес,
Как стрела на излёт,
Словно меч на разрез,
Вдоль сожжённых мостов,
Мимо пепельных гор
И безлюдных постов,
Как безмолвный укор,
Я скачу в никуда,
В неизвестный простор,
Ухожу навсегда
В свой последний дозор.

Мой Эдем

Мгой и тучами
Горы чёрные
Принакрылись
И спят, могучие.

А под кручами –
Белозёрные
Земли сонные
Да дремучие.

Земли милые,
Заповедные,
Древним пологом
Вечно скрытые.

Только где же вы,
Ненаследные,
Одинокие,
Позабытые?

* * *

Сквозь нетрезвый морок
И сердца стук,
Отвлекаясь на шорох
И каждый звук,
Мимо спорных видений
И злых идей,
Мимо всеобщных бдений
И всех страстей,
От пучин до высот –
То вверх, то вниз,
Только чаще в испод
Безо всяких виз,
Пролетит мой век,
Как в ночи стрела,
Догорит мой век,
Догорит дотла.

Смертный час

Пропой мне, месяц, восходя
Под звёзд немое колыханье,
Про шорох тихого дождя
И пьяных роз благоуханье.

Тогда услышу, уходя
Под сердца ровное молчанье,
И шёпот сонного дождя,
И ветра мерное дыханье.

* * *

День. В заснеженной свежести.
Ночь. В пылающей нежности.
Утро. Мелькнуло в беспечности.
Вечер. Тянулся до вечности.

Свет. Прибавляет ясности.
Тьма. Покрывает пакости.
Явь. Много тяжкого бремени.
Сон. Жаль убитого времени.

Правда. Горька, но спасительна.
Кривда. Сладка и губительна.
Верность. Без бед не испытана.
Подлость. Всегда неожиданна.

Юность. Как правило, в глупости.
Старость. Хотелось бы, в мудрости.
Жизнь. На земле – ограничена.
Смерть. Иногда предпочтительна.

* * *

Когда предстану пред Тобою,
Не вспоминай моих молитв,
Сопровождавшихся слезою,
С самим собой горячих битв.

Забудь, когда я был воздержан,
Храня ревниво каждый пост,
И был тщеславию подвержен,
А люди мнили: «Он непрост!»

Да, я был верен, только в жизни
Мне не грозил никто тюрьмой.
Вся моя слава – в дешевизне
Поступков с ложной добротой.

Не помяни меня ни в деле,
Ни в слове буду уличён.
Лишь вспомни, Боже, о купели,
Где был когда-то я крещён!

Содержание

«Мы с вечностью свой век объединим»	2
«Я помню день, когда в купели...»	6
«Едва в Кремле куранты унялись...»	7
«Куда же ты, Кронштадт, смотрел...»	8
«Умолкли на время хмельные метели...»	9
«Что может в ночь святую сниться?»	10
«Кусочки лунные в хвое...»	11
«Взметнулись бы салютом белым...»	11
«Подснежник – вечный Симеон...»	12
«Как худший в мире спекулянт...»	13
«Христос Воскрес!»	14
«Капли света алмазной росой...»	14
«Детство дарило мне с каждым рассветом...»	15
«Каждый лист прозы Брэдли нежен...»	16
«Чёрным огнём...»	17
«Утром на фронт в беспощадную битву...»	17
«Есть на свете места, где не ценят вино...»	18
«Рука, познавшая винтовку...»	18
«На непаханом поле замшелом...»	18
К Победе	19
«С тёплым западным ветром, исполненным роз...»	19
«Осенние невзгоды...»	19
Затишье перед боем	19
«На закате...»	20
«Тёмная кровь вперемешку с цветами...»	20
«Мы потеряли одного...»	21

«Живёт поэт...»	21
«Художнику много дано...»	22
«Я изменяю всё, что есть вокруг...»	23
«Я искал тебя, песня моя...»	24
«Одних ведут дороги в город...»	25
«Вы знаете, а ведь простой тротуар...»	26
«Луна на глазунью похожа, да-да!»	26
«За прозрачным окном городским...»	27
«Я творил в молчании духа...»	27
«Прозрел. Слепых поводирей...»	28
«Если тучи пусты...»	29
«Тогда полюбишь ты Христа...»	29
«Вот и полночь. Две стрелки срослись...»	30
«Если руки твои крепко держат топор...»	31
«С изломанной ветки сирени...»	31
Странствие вечное	32
«Моя душа — как зеркало кривое...»	32
Душа охотника	33
«Сквозь зыбкую дымку оконных проёмов...»	33
«Собрал Господь на брачный ужин...»	34
Паганини	34
«Ветер восточный, ты неутомим...»	35
«Боксёрский ринг. Азартным хором...»	36
«Можно ли выткать в скале целый город...»	37
«Сочини мне пейзаж: в небо — каплю огня...»	37
«Моя звёздочка синеокая...»	38
«Под древком изломанным флага свободы...»	38
«Уехать ли? Уехать ли туда...»	39

«Вдоль бурунов холмистой дали...»	40
«Повержен лев! Повержен царь зверей!»	41
«Придорожный поток фонарей...»	41
«Он руку вытянул, взирая с высоты...»	42
«Бесценны ночные минуты...»	42
«Глаза открою прежде, чем проснусь...»	43
Бумажный лист	43
«Из бездонных сетей...».	44
«В вазе каждый цветок...»	44
«Человек из кремня создал топор...»	45
«Земная изменчива слава...».	46
«За изгородью гор...»	46
«Иногда нелегко расстанусь с темнотой...»	47
«Собакой в репейнике с видом измученным...»	47
Айвазовский	48
«Птицам место в просторах и гнёздах...»	49
«Держа в ладони семена...».	49
«Куда девалось море из ракушки?»	51
Венецианский караван	51
«В лабиринтах бетона и пыли...»	53
«Следуя незримому велению...».	54
«Стояли бок о бок солдаты...»	55
«Седой алхимик в сумрачной пещере...».	56
«Горизонт – это просто мираж...»	57
«Гроза! Бушует, рвётся тучей...»	58
«Я не верю в старичка-эстета...»	59
«Прозреньем мнимым окрылённый...»	59
«Неслучайно всё это – безудержность дней...».	60

«Гитара, знай, мои ослабли руки...»	60
«Перекликаясь, плакали цветы...»	61
«Золото жидкое в брызгах граната...»	61
Музыка сентября	62
«Краткий миг растянулся на век...»	63
«Играл флейтист...»	64
«В серебряно-атласной глади...»	64
«Белым-бело...»	65
«Пробудилась зима поутру...»	66
«Лёгкою, вечною...»	67
«Худая осинка прижалась к карнизу...»	68
Нарния	68
«Нет, не владеют мной ни жгучая саванна...»	69
«Сквозь сугробы и лёд...»	70
Мой Эдем	70
«Сквозь нетрезвый морок...»	71
Смертный час	72
«День. В заснеженной свежести...»	72
«Когда предстану пред Тобою...»	73

Литературно-художественное издание

Сергей Сергеевич Адодин

Цветоворот

Стихи

Редактор – Б. В. Бурмистров
Художник – Н. А. Чернова
Корректор – Н. В. Скобликова
Дизайнер – С. А. Скобликов

Сдано в набор 21.10.2016. Подписано в печать 21.11.2016.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 3,3. Печать Riso. Гарнитура «PTSerif Caption»
Тираж 150 экз.

ООО «Примула»
650040, г. Кемерово, ул. Дружбы, 31
8-951-576-1001
primulaprint@mail.ru